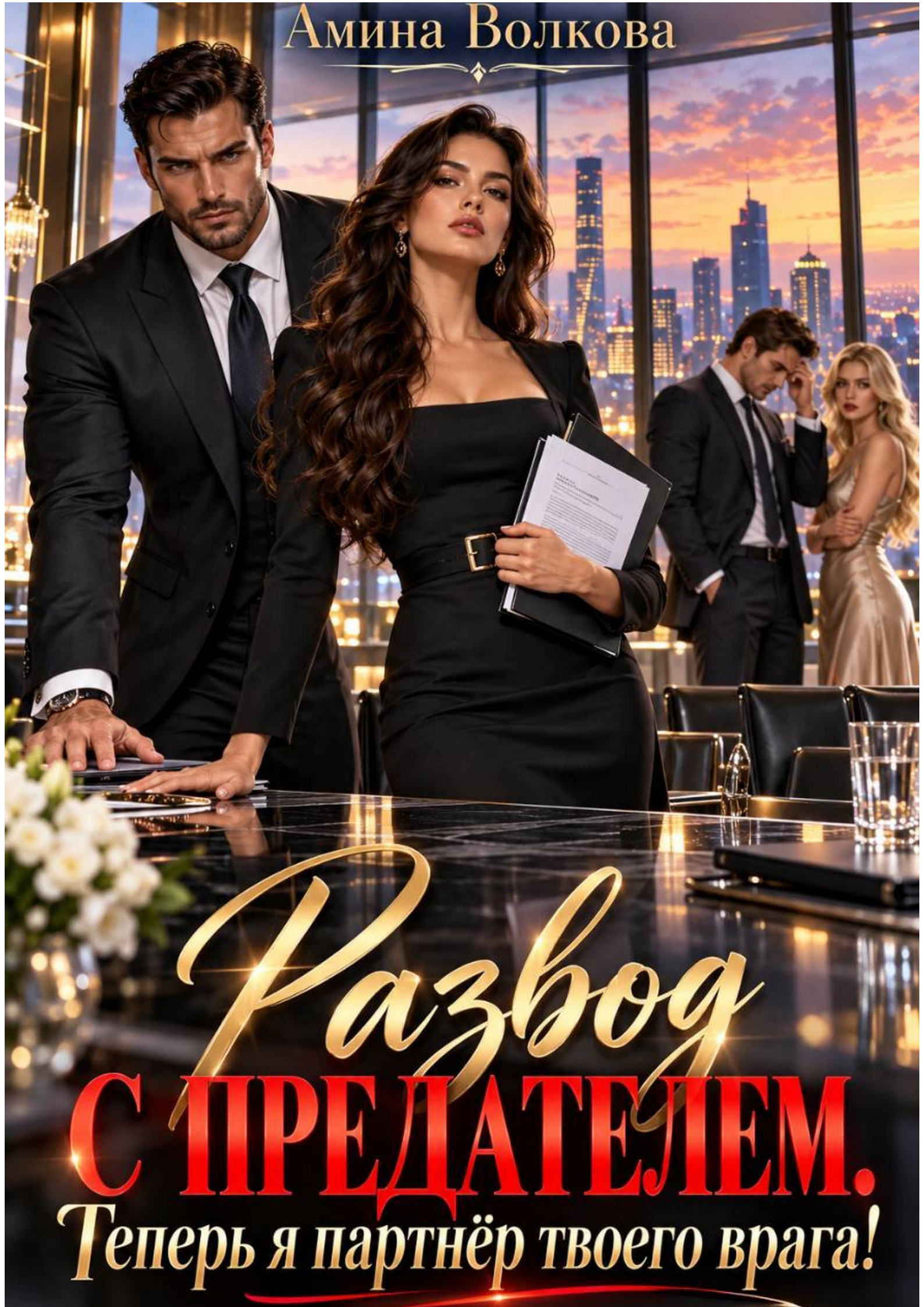

Амина Волкова

Развод
С ПРЕДАТЕЛЕМ.
Теперь я партнёр твоего врага!

Амина Волкова

**Развод с предателем. Теперь
я партнёр твоего врага!**

«Автор»

2026

Волкова А.

Развод с предателем. Теперь я партнёр твоего врага! /

А. Волкова — «Автор», 2026

Я вернулась домой после тридцати часов работы и не узнала квартиру. Муж вывез всё: мебель, картины, даже мою зубную щётку. На столе оставил документы об уголовном деле. Под ними стояли мои поддельные подписи. Пока Глеб отдыхает в Дубае с любовницей, меня обвиняют в многомиллионном мошенничестве и готовят к тюрьме.— Признай вину, Алиса, и останешься на свободе! Но я не собираюсь расплачиваться за чужие преступления. Влиятельный конкурент мужа Виктор Строгов предлагает мне опасный союз. Вместе мы раскроем аферу, способную уничтожить целую империю. Только Виктор тоже привык использовать людей. Сумею ли я вернуть свободу и не стать собственностью нового хищника?

© Волкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Амина Волкова

Развод с предателем. Теперь я партнёр твоего врага!

Глава 1

Ключ заедает, как всегда. Приходится потянуть дверь на себя и только потом повернуть его — за семь лет я научилась делать это, не глядя. За окном уже темно. Потерпи, уговариваю себя, пока ключ упирается: сейчас душ, потом спать. После тридцати часов аврала с квартальным отчетом даже свет в прихожей включать не хочется. Только бы Глеб снова не положил телефон возле подушки — от звона его уведомлений я просыпаюсь раньше него.

Из квартиры тянет пылью. Сквозняк холодит щиколотки: кто-то оставил окно открытым. Перед уходом на работу я закрыла его сама.

— Это ошибка, — шепчу я вслух. Мой шепот слышно из кухни. Обычно туда приходится кричать, если работает вытяжка.

Скидываю туфли и нащупываю ногой тапок у порога. Он проскальзывает по голому ламинату. Где ковер? Глеб ворчал на его узор еще в «Икеа», а я все равно купила. Сейчас передо мной пустое прямоугольное пятно на полу, очерченное следами мебели. На стенах остались бледные прямоугольники от наших фото, картин, дипломов. Даже диплом снял. Кому он понадобился? В книжном шкафу осталась одна погнутая закладка. Подбираю ее — это моя, с загнутым уголком.

Возвращаюсь к двери и проверяю номер. Тот же. Да и ключ подошел — какая еще чужая квартира? Но все равно заглядываю на площадку, будто там кто-то объяснит, почему исчез ковер. Может, розыгрыш? На работе я за эти дедлайны всем осточертела. Только коллегам я ключей не давала.

Ищу хоть что-нибудь свое. Зубную щетку в стакане у зеркала. Кружку «World's Best CFO» — подарок Глеба на день рождения, без нее он чай не заваривал: «Поддай лучшему финансовому директору мира». Пусть хоть кружку оставил. Пусть окажется, что вещи просто сложили куда-нибудь, а я зря мечусь. В ванной комнате пусто. Даже крючки для полотенец сняты. На раковине лежит только влажная салфетка с логотипом строительной компании. На краю раковины свежий скол. Глеб обещал починить старый кран; теперь под краном отколот целый угол раковины.

На кухне, на столе, где обычно лежат счета за коммуналку и недопитая чашка чая, стоит одна-единственная папка. Черная, с золотым тиснением. Ни пылинки на крышке. Ее положили сюда после того, как вынесли вещи.

Мои руки дрожат, когда я тянусь к ней. На секунду надеюсь увидеть логотип курьерской службы. Чужую фамилию. Хоть что-нибудь, с чем можно позвонить и сказать: заберите, это не мое.

Отгибаю обложку.

Первое, что бросается в глаза — шапка документа. «Постановление о возбуждении уголовного дела». Статья 159 УК РФ. Мошенничество. В особо крупном размере.

Я моргаю, пытаюсь сфокусировать взгляд. Цифры плывут. А затем вижу подпись. Свою. Аккуратную, с характерным росчерком хвоста буквы «А», которую я отрабатывала годами. Подпись стоит под актами приема выполненных работ по внедрению системы защиты данных. Март, апрель, май — в каждом месяце я якобы принимала готовую систему. А на совещаниях

мы переносили внедрение, и я считала, сколько еще денег на него придется отложить. Здесь за все уже заплачено.

Во рту собирается слюна. Сглатываю, прижимаю ладонь к животу и отодвигаю папку: еще чуть-чуть, и меня вырвет прямо на акты. Строчки расплываются; приходится вытереть глаза тыльной стороной запястья. Но даже сквозь пелену я вижу дату последнего акта. Вчера. Когда я ненадолго уснула за рабочим столом. Глеб в это время якобы летел в Дубай.

Росчерк похож на мой, но в последнем акте буква «А» прижата к строке. Я так не подписываю. Листаю дальше и нахожу тот же росчерк, до черточки. Глеб часто просил подписать срочный пакет не читая; я ругалась, проверяла суммы, возвращала. Теперь ему не понадобилась даже эта ссора.

Я хватаю телефон. Пальцы соскальзывают по экрану, мокрые от пота. Набираю номер Глеба.

«Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети».

Звоню секретарю. Лена отвечает сразу. Еще вчера она просила меня подменить ее на встрече, а теперь произносит мое имя по слогам. — Алиса Сергеевна? Глеб Андреевич в командировке. Просил не беспокоить. У него важный переговорный процесс. — Лена, послушай... — мой голос срывается в хрип. — Где он? Что происходит с квартирой? — Мне неизвестно о ваших личных вопросах, Алиса Сергеевна. Пожалуйста, передайте привет Глебу Андреевичу, если сможете связаться с ним самостоятельно. До свидания.

Лена отключается. Я успеваю сказать «подожди» уже погасшему экрану.

В дверь стучат кулаком. Три раза, с короткими промежутками. Звонок ведь работает — зачем так?

До двери три шага, а я стою у стены и держу телефон обеими руками. Позвонить бы Глебу еще раз. Он-то должен знать, кого прислал. Полицию? Коллекторов? Или сам стоит за дверью и ждет, пока я открою?

— Кто там? — Судебные приставы. Откройте. Я снимаю цепочку, приоткрываю дверь. Мужчина показывает удостоверение так близко к моему лицу, что приходится отступить. Вместе с ним в прихожую тянет табаком.

На пороге стоят двое мужчин в форме судебных приставов и третий — высокий, в сером дорогом пальто, которое стоит больше, чем моя зарплата за месяц. Он держит в руках планшет. Оценщик имущества.

— Алиса Ветрова? — один из приставов сверяется с бумагой, еще не дождавшись ответа. Оглядывает меня: мятая после работы блузка, джинсы, один тапок. На втором он задерживается взглядом, и я наконец нахожу его ногой под шкафом. — Не мешайте осмотру. Опись имущества займет около часа. Что отсутствует, укажем в акте.

— Здесь ничего нет! — кричу я, и этот крик кажется мне собственным голосом со стороны. — Всё продано! Куда он дел деньги?!

Оценщик фыркает, проходя мимо меня, чтобы посмотреть на пустой шкаф. — Долги компании превышают активы. Квартира в ипотеке, платеж просрочен три месяца. Согласно договору поручительства, залогодателем выступали вы, гражданка Ветрова. Ваш муж подал на развод. А поручительство этим не отменяется. Бумаги у вас подписаны, гражданка Ветрова.

Он толкает меня плечом, чтобы пройти дальше. Я цепляюсь за косяк, чтобы не упасть, и он даже не оборачивается. — Можно было попросить, — говорю ему в спину. Оценщик лишь поднимает планшет: занят. Вчера я возвращала руководителям департаментов бюджеты на доработку. Стартап с оценкой в двести миллионов без моего согласования не покупал даже новые мониторы. Теперь этот человек прошел через меня, будто я мешающий ему стул. Так и хочется назвать должность, объяснить, кто я. Но он уже водит пальцем по планшету, а я все еще держусь за косяк.

Пока они ходят по квартире, я замечаю собственную сумку, брошенную у стола. Ноутбук я принесла с работы. Вынимаю его из сумки и прижимаю к боку, прежде чем оценщик успевает спросить, что там. Один из приставов делает шаг ко мне. — Имущество компании подлежит описи.

— Это личный предмет, — говорю я тихо, но твердо. Переворачиваю корпус наклейкой к нему. На ней серийный номер; чек о покупке сохранен в почте. — Проверьте инвентарные номера. Его нет в балансе. Это моя рабочая станция.

Мужчина сверяет номер со своим списком и отступает. Я застегиваю сумку. Мне удалось удержать хотя бы это — свой компьютер, свои рабочие копии. Без них завтра я даже возражение толком не напишу.

Когда они уходят, на столе остаются повестка в суд на завтра и акт описи «пустоты». За дверью еще слышны их голоса. Жду, пока стихнут шаги, и только тогда отпускаю замок. Теперь даже спросить, что мне делать, не у кого.

Сажусь на пол посреди комнаты, прямо на след чужого ботинка. Подтягиваю ноги под себя, накрываю их краем куртки. Посидеть бы так до утра. Закрывать глаза, а потом открыть — и снова будет наш ковер. Но на столе повестка. Завтра эти люди будут ждать ответов.

Раскрываю ноутбук на коленях. От синего экрана щиплет глаза, отворачиваюсь, пока он загружается. На клавиатуре осталось мокрое пятно от ладони. Вытираю его рукавом и открываю папку с отчетами. Названия файлов знакомые; я хотя бы знаю, с какого начать.

Открываю квартальный отчет. Три часа ночи — время последнего сохранения, я тогда еще ругалась с Глебом по телефону. Он опять выкинул из презентации для инвесторов расходы. «Случайно, Алис, верни, если надо». А когда я добиралась до актов: «Алиса, ты лучше знаешь цифры, доверяю тебе полностью». После этого он обычно шел спать.

«Доверяю тебе полностью». А сам не оставил мне даже зарядку. Вытаскиваю свою из бокового кармана сумки и проверяю розетку. Работает. Упрямо радуюсь этой мелочи, пока значок зарядки на экране меняется.

Пальцы еще дрожат; дважды промахиваюсь мимо нужной строки. В отчете есть платежи на Кипр, которых я не согласовывала. Есть контрагенты, про которых Глеб говорил: «Лично проверил». Есть расходы на защиту данных, хотя внедрение системы постоянно откладывалось. Тогда я просила подтверждения. Теперь буду искать их сама — и заодно выясню, какие из моих файлов он успел заменить.

Еще вчера на его «ты устала, разберемся утром» я закрыла бы файл. Сегодня сохраняю отдельной строкой каждый такой платеж. Пусть утром объяснит их без меня.

Глава 2

Телефон вибрирует в кармане джинсов. Незнакомый номер. Прижимаю его к уху и жду, что снова потребуют открыть дверь. Мужчина на другом конце говорит негромко; прижимаю телефон крепче, чтобы не пропустить ни слова.

— Алиса?

Я замираю. Откуда он знает мое имя? — Кто это?

— Виктор Строгов. Мне сказали, ты любишь цифры больше, чем правду.

Строгов. Владелец холдинга «Стрелка» — промышленный шпионаж, защита активов. Глеб при мне смеялся над конкурентами, но на звонки этого человека отвечал сразу. Потом выходил в другую комнату и закрывал дверь. Если Строгов звонит сейчас, значит, знает, что с нашей компанией можно сделать. И что можно сделать со мной.

— Зачем вам это знать? — спрашиваю я, и мой голос звучит чуждо. Сухо. Приходится откашляться, чтобы он услышал вопрос.

— Завтра в девять утра. Адрес пришлю. У тебя завтра слушание по мере пресечения. Глеб позаботился о материалах против тебя. Но я предлагаю другое.

На другом конце шелестят бумаги. Он знает о слушании, о котором я сама узнала десять минут назад. Сжимаю телефон крепче.

— Ты можешь стать оружием против тех, кто тебя сломал. Или вещью, которую продадут. Выбор за тобой, Алиса. Но времени мало.

Связь обрывается.

Телефон гаснет. Еще несколько секунд держу его у уха: вдруг он скажет, что значит «оружие». Дышу через рот, а воздуха все равно мало. Так мне и не дали задать второй вопрос.

Внизу сигналит машина. За стеклом соседнего дома женщина вытряхивает покрывало и закрывает окно. Мне хочется крикнуть ей: посмотрите сюда. Просто увидите, что я осталась здесь одна. Вместо этого проверяю время слушания на повестке. Десять утра.

Я поднимаюсь с пола. Колени хрустят. Я беру папку с уголовным делом, кладу ее на стол рядом с ноутбуком. Затем иду в ванную. Смотрю в зеркало. Глаза красные, но взгляд твердый.

Глеб улетел в Дубай. Наверняка опять с Мариной: он слишком часто говорил о ее командировках одновременно со своими. Завтра у них будет завтрак в отеле. Он проверит телефон и, может быть, удивится, что я так мало звонила. Пускай. До утра мне нужны номера платежей, а не его голос.

Включаю воду и подставляю ладони под холодную струю. Смываю пыль — сидела на полу, трогала закладку, цеплялась за косяк. Еще раз умываюсь. Плакать хочется до боли в переносице. Посчитаю хотя бы первый месяц, а потом можно.

Если Виктор Строгов дает шанс, значит, у него есть рычаги давления на Глеба. Вписываю его номер на оборот повестки. На случай, если телефон откажет так же вовремя, как мой муж.

Я вытираю руки полотенцем, найденным в единственной оставшейся коробке в углу. Оно жесткое, новое, пахнет пластиком. Вытираю им лицо. На упаковке еще стоит цена; даже эту коробку собирали наспех.

Стелю куртку на пол, под голову кладу сумку. Кровати нет. Тапки оставляю рядом, чтобы утром не искать. Ставлю три будильника подряд: я должна проснуться, как бы ни хотелось провалиться в сон без конца.

Глаза открыты. Я смотрю в потолок. Там нет люстры, только провод с патроном и тусклая лампочка. Ее, видимо, оставили грузчикам.

— Девять утра, — шепчу я в темноту.

Я не знаю, чего на самом деле хочет Виктор Строгов. Может быть, он опаснее Глеба. Может быть, он использует меня так же цинично, как бывший муж. Но я не стану подписывать

признание ради обещания выпустить меня. Подтягиваю к себе папку, чтобы утром не забыть, и еще раз смотрю на номер на обороте.

В девять я позвоню Строгову. В десять войду в суд. И скажу вслух то, что Глеб так старательно вычеркнул из своих бумаг.

В девять я позвонила Строгову прямо из такси. Сказала, что к нему не успеваю: в десять суд. Он выслушал и ответил: «Иди на слушание. Я буду там».

В зале заседаний пахло пылью от батарей. На сиденье рядом со мной лежал пакет с чьими-то забытыми бахилами. Я сидела у стола защиты, чувствуя, как жесткая ткань костюма впивается в плечи. Передо мной стоял адвокат по назначению — мужчина с жирным лбом и руками, покрытыми рыжими волосками. Он перелистал мои документы с конца, пропустив акты с поддельными подписями. Я придвинула их обратно. Он сложил стопку и посмотрел на часы.

— Алиса Сергеевна, давайте будем реалистами, — он прикрыл лист повестки ладонью. — Глеб уже все решил. Судья жмет ему руку каждый четверг. Если вы признаете частичную вину, скажем, невнимательность... Следователь не будет настаивать на СИЗО. А там можно и об условном сроке договориться. А если упрямитесь... реальный срок от пяти лет. Вы хотите гнить в колонии?

Сжала кулаки под столом. Если разжать, руки будут дрожать и он увидит. Тогда опять заговорит про колонию. Ногти больно врезались в ладони; я держалась за эту боль, пока выговаривала ответ.

— Мои подписи поддельны, — прошептала я, но голос предательски дрогнул. — Я не делала эти акты приемки. У меня нет доступа к серверам для генерации таких отчетов. Это технически невозможно без CEO.

Адвокат усмехнулся, показав желтые зубы. Он наклонился ближе, и я почувствовала запах перегара и дешевых сигарет.

— Детали, — бросил он тихо, почти презрительно. — Для суда это детали. Главное — как вы выглядите перед судом. Ваш муж уже рассказал, как было дело. Он сказал, что вы амбициозная стерва, которая хотела забрать бизнес. И поверьте мне, судья ему верит больше, чем вам. Глеб добивается заключения под стражу, если вы откажетесь от сделки. Не играйте в героя, Ветрова. Герои умирают в одиночных камерах.

В этот момент открылась дверь, и вошел прокурор. Высокий, сухой, он прошел к своему столу и разложил бумаги. Суммы убытков читал подряд, не поднимая головы. Я знала эти миллионы до последнего нуля. Но возле каждой цифры он произносил мою фамилию, будто сам видел, как я переводила деньги в офшоры.

— Подозреваемая проявила цинизм, свойственный финансовому директору, знавшему о схемах, но молчавшему ради личных выгод, — монотонно вещал он. — Где раскаяние? Мы видим холодную расчетливость. Она холодна, как ее отчеты.

Подняла голову. «Сначала цифра, потом объяснение», — учил Глеб перед моим первым докладом инвесторам. Вот уж спасибо. Проглотила ком в горле и начала так, чтобы меня слышали даже в последнем ряду.

— Доступ к административным панелям имел только один человек — Глеб Ветров. В моей рабочей копии есть отметка об административном входе за три часа до создания документов. Я прошу проверить устройство и место входа. Это не моя работа. Это подлог.

Судья, пожилой мужчина с мешками под глазами, даже не взглянул на меня. Он перебил и положил ручку поперек раскрытой папки. Я снова начала: «Прошу...» — но он уже обращался к секретарю. Больше мне слова не дали.

— Технические детали не имеют значения для обсуждаемой меры пресечения, — отрезал он. — Следующий свидетель.

Вызвали Диму, бывшего финансового аналитика. Я помогала ему закрыть первую ипотеку: он тогда принес мне конфеты, долго мял пакет у двери. Сейчас Дима подошел к барьеру, поправил очки и кивнул судье. Я поймала его взгляд. Он тут же отвернулся.

— Алиса всегда была... слишком амбициозна, — произнес он спокойно. Он говорил отчетливо, без запинок. Я все ждала, что он посмотрит на меня хотя бы после слова «амбициозна». — Она могла пойти на все ради бонуса. Я видел, как она спорила с Глебом о распределении активов. Она контролировала потоки. Ну, почти. Иногда Марина Лунц вмешивалась, но Алиса была главным архитектором схемы.

Марина. Вот, пусть договорит про Марину! Подалась вперед, но прокурор едва заметно шевельнул рукой. Дима замолчал и опустил глаза. Я потянулась к адвокату. — Вы слышали? Он сказал про Марину. Спросите, что именно она делала. — Не сейчас, — ответил тот, даже не записав имя. А Дима уже смотрел в сторону двери. Как будто самое трудное для него закончилось.

Объявили перерыв.

Глава 3

В коридоре я остановилась возле стены: здесь хотя бы можно было ослабить воротник. Сразу кто-то поднес телефон к моему лицу. Отвернулась — с другой стороны тоже снимали. Между ними протиснулась Тамара Ильинична, мать Глеба. Маленькая, сухая; у нас на кухне ей всегда уступали место и ждали, что она скажет. Сейчас люди тоже расступились.

Она плюнула прямо перед моими туфлями. Слюна блеснула на сером линолеуме.

— Ты обокрала моего сына! — визгливо крикнула она, тыча пальцем мне в грудь. — Проститутка! Спала с деньгами! Глеб тебя кормил, одевал, а ты предала семью!

За спиной хихикнули. Телефон придвинулся так близко, что я видела себя на его экране — рот приоткрыт, глаза блестят. Хотелось заплакать. Еще сильнее хотелось ударить свекровь, разбить ей нос. Она ведь сидела за моим столом, ела приготовленный мной ужин и хвалила сына: как хорошо он меня устроил. А я улыбалась, чтобы не ссориться.

Прижала кулаки к бокам. Стоило поднять руку — вечером Глеб получил бы идеальное видео. Даже сейчас они ждали именно этого, держали камеры и не отступали. Я сомкнула губы. Дышать пришлось через нос, понемногу, чтобы не всхлипнуть.

Тамара Ильинична осеклась, ожидая ответа, которого не получила. Она ткнула меня еще раз. Я отступила к стене и убрала ее палец с блузки. Поворот телефона я заметила краем глаза. Это она сняла крупным планом? Пусть. Убрать чужую руку с себя я все еще могла.

— Смотрите, какая высокомерная шлюха, — шептал кто-то рядом. — Даже не оправдывается. Значит, виновата.

Кто-то повторил слово «виновата», и еще один телефон повернулся ко мне. Эти люди не слышали ни одной цифры в зале. Зато видели свекровь, плачущую из-за сына. Я встала у двери, за спиной пристава, и ждала, когда нас позовут обратно.

Вернулись в зал. Судья отказал в ходатайстве о вызове IT-специалистов. «Доказательства достаточны», — повторил он свою мантру.

И тогда я увидела. Секретарь судьи, незаметно, пока все смотрели на меня, передавала тонкую папку помощнику прокурора. Папка была перевязана красной лентой — знак срочности или секретности. Мне захотелось выхватить эту папку. Но что в ней? Может, обычные документы. Я не могла доказать даже подлог своей подписи, а уже искала заговор в каждой ленте. Стиснула сумку на коленях и заставила себя запомнить фамилию помощника.

Судья объявил перерыв перед решением. Я спросила пристава, можно ли выйти, и почти бегом добралась до туалета.

В туалете на первом этаже положила ладони на холодный кафель у раковины. Подержала, пока стало больно, потом открыла кран. Вода стучала так громко, что можно было наконец выдохнуть со звуком. В зеркале я выглядела хуже, чем на чужом телефоне. Промокнула щеки мокрыми пальцами: в зал надо вернуться, а я боялась снова открыть дверь.

У выхода из туалета меня ждал Виктор Строгов. Он стоял в стороне от людей с телефонами. Я остановилась рядом, чтобы хоть на минуту они перестали видеть мое лицо. Он стоял прямо, в темном костюме, и уступил мне место у стены, сам оставшись со стороны коридора. Я поправила воротник. «Как вы?» — вот чего сейчас боялась: спроси он, и я бы разревелась. Строгов взглянул на меня, потом на людей с телефонами и достал свой.

Он протянул мне телефон. Экран светился в полумраке. Один номер. Без имени.

— Сохрани. По этому номеру найдешь меня, — сказал он негромко, наклонив экран так, чтобы его видела только я. — Здесь тебя уговаривают признаться? — Мой же адвокат. — Глебу нужна твоя подпись. С поддельной он забрал деньги, с настоящей хочет оставить их себе. Тебя купили дешево, Алиса. Но у меня есть деньги, которые стоят дороже. Я подняла глаза от экрана. От Строгова пахло табаком; рядом с ним хотелось расправить плечи, хотя минуту

назад я прятала лицо. — И вы тоже собираетесь меня купить? Он остался рядом, удерживая телефон, пока я доставала свой. — Я собираюсь получить ответ. Про его счета. Но сначала сохрани номер. До решения суда ничего не подписывай.

Я переписала номер в свой телефон. Строгов дождался, пока нажму «сохранить», забрал аппарат и ушел по коридору к залу.

Над номером набрала имя. Только «Виктор». Фамилию почему-то было страшно писать.

В этот момент мой собственный телефон завибрировал. Сообщение от адвоката Глеба. Текст был коротким, как удар ножом: «Глеб может остановить процесс. Условия: заявление о добровольной передаче всех активов и полное признание вины в мошенничестве. Иначе — СИЗО сегодня же. Ответ нужен сейчас».

Перечитала условия. Передам активы — и признаюсь, что украла их. А потом Глеб покажет всем мою подпись: вот, она сама согласилась. Из пустой квартиры он вынес все, что смог поднять. За остальным прислал мне адвоката.

В зале заседаний возобновилось слушание. Я вернулась на свое место. Судья зачитал решение: отказ в заключении под стражу. Подписка о невыезде оставалась в силе. Следствие продолжалось. Я вцепилась в край стола: меня отпустят из этого зала. Но дело, в котором я уже виновата для всех этих людей, останется со мной.

В коридоре адвокат мужа протянул мне проект соглашения. К нему зачем-то прикололи распечатку интервью Глеба с его фотографией. Улыбался он там так, как на нашей свадьбе. Наверное, хотел напомнить, какого замечательного мужчину я теряю.

Я вернула бумаги, придерживая скрепку, чтобы фотография не выпала. Раньше я бы прочла интервью до конца, даже здесь.

На соглашении уже стояли закладки: где подписать передачу имущества, где признание. Ни одной — возле суммы, которую Глеб обещал вернуть. Они были уверены, что я подпишу. Адвокат держал ручку колпачком ко мне, почти касаясь моего рукава.

Отвела его руку. Для признания им нужна была моя подпись. Настоящая. Эту я пока могла удержать.

Проверила сохраненный номер Виктора. Затем написала: «Отказ в СИЗО. Признание не подписала». Отправила, прежде чем успела испугаться, что он не ответит.

Глеб заранее расставил закладки, выбрал мне место для подписи. Даже ручку приготовил. Так он встречал инвесторов: вам осталось только согласиться, обо всем уже позаботились.

На фотографии он по-прежнему улыбался. Адвокат все еще держал соглашение, которое я вернула ему без подписи. И вдруг я сама улыбнулась — уголком рта, с трудом. Он посмотрел на последнюю страницу, потом на меня. Да, увидел правильно: росчерка там нет.

Хорошо, Глеб. Ты научил меня требовать подтверждение каждой суммы. Теперь сам принесешь подтверждения.

— Ваш ответ? — адвокат Глеба перехватил меня у выхода и снова открыл соглашение на закладке. Как будто я просто забыла расписаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.